

Ж

ЖАНР «СЛОВА». Понятие Ж. как рода произведений, отличающихся определенными сюжетными и стилистич. признаками, появилось сравнительно поздно, однако попытки жанрового определения С. относятся к периоду первого знакомства с ним и подготовки его Перв. изд. *М. М. Херасков* в поэме «Владимир» назвал С. песнью («Так Игорева песнь изображает нам...». См.: *Херасков М.* Творения. М., 1797. Ч. 2. С. 301), песнью назвал С. и *Н. М. Карамзин* в своем сообщении о С. в ж. «Spectateur du Nord». Песнью называли С. *В. Т. Нарезный* (1798), *А. Х. Востоков* (1806) и т. д. Под этим термином понимали произведение не только стихотв., но и певшееся под аккомпанемент гуслей.

Реже С. называлось поэмой. С этими определениями не связывалось точных представлений. Подчеркивалась лишь поэтичность произведения. Исполнялось ли оно устно, предназначалось ли только для чтения или пелось, — в сущности мало интересовало исследователей. Более того: именуя С. «песнью» или «поэмой», имели в виду прежде всего не ритмич. строй, а всего лишь образность произведения. Так, *Н. Ф. Грамматин* писал: «В сей песни или поэме ... несмотря на то, что она написана прозой, находится множество самых блестящих красот, щедро рассыпанных рукою поэзии», и далее: «Она не есть правильная эпическая поэма и не заключает в себе никаких чудесных вымыслов» (Рассуждение... С. 10). См. также: «Наш стихотворец любит сравнения и аллегории» (С. 11), или: «Вообще слог фигурен и чрезвычайно стихотворен» (С. 12) и под.

Первая попытка найти в С. правильные стихи и дать примеры разбивки памятника на стихи сделана *Востоковым*, который, впрочем, писал, что «в древнейшем эпическом произведении ... в Слове о плъку Игореве не слышать никакого ... размера: в нем с начала и до конца, как кажется, голая проза» (Опыт... С. 159).

О Ж. С. размышлял *М. А. Максимович*. Споря с *М. П. Погодиным*, сопоставлявшим С. с исл. сагами, Максимович утверждал,

что его нужно «сравнить с народными русскими, особенно с южно-русскими, а потом с песнями нашей западной братии». Однако, продолжал Максимович, С. не являлось «песнопением известным, сложным для пенья, как наши народные великорусские стихи, думы украинских бандуристов и саги исландские. Певец Игоря не был гусяром, подобно Бояну ... Песнь Игорю не импровизировалась и не пропета, а сочинена и написана как песнь о Калашникове Лермонтова» (О народной исторической поэзии... С. 4). Мысль о близости рус. и «малорусским» (укр.) песням высказывали мн. ученые XIX в. (см. *Фольклор восточнославянский и «Слово»*). Но это отнесение С. к нар. поэзии не отличалось точностью. Крайняя степень этой неточности была предложена А. И. Никифоровым, который утверждал, что С. — «былина XII в.», не делая, однако, особых различий между возможными жанровыми отличиями былин XII в. от былин нового времени.

Параллельно с поисками жанровых аналогий С. с памятниками восточнослав. фольклора шли поиски сходных со С. форм в древнегерм. и древнесканд. поэзии. В пору доверия к *Оссиану* С. сравнивалось с оссианич. поэзией, и это сравнение фигурирует уже в первом объявлении об открытии памятника, где оно поставлено Карамзиным в ряд с «лучшими отрывками Оссиана»; «дух Оссианов» подчеркнут и в предисл. к Перв. изд. С. (С. VI). О близости С. к северогерм. поэзии писали *Й. Добровский*, *А. Мицкевич*, *Погодин*, *Ф. И. Буслаев*, *Р. Абихт*. Особенно глубокие разыскания в этом вопросе осуществлены *М. И. Стеблиным-Каменским* и *Д. М. Шарыпкиным* (см. *Скальдическая поэзия и «Слово»*).

Впервые вопрос о Ж. С. был поставлен прямо и четко в работах *И. П. Еремина*, высказавшего в 1950 предположение, что С. — произведение ораторское и принадлежит к типу полит. торжеств. красноречия. Еремин не только сослался на мн. ораторские приемы автора С., но попытался вникнуть и в определения Ж., данные самим автором С., такие как «слово» и «песнь», впервые проанализировав значение этого последнего слова как термина ораторского искусства. К точке зрения Еремина присоединился и *Л. А. Дмитриев* (см.: «Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой культуры // *Слово — 1952*. С. 30—31; *Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве»* // *ТОДРЛ*. 1964. Т. 20. С. 134—135).

Не согласился с Ереминым *А. А. Назаревский*. Он считал, что Еремин неправоммерно «все особенности „Слова“ сводит к ораторским приемам речи и ставит своей целью литературный памятник исключительного художественного своеобразия ... уложить в рамки одного жанра» (Еще о жанровой природе... С. 68). В др. статье Назаревский подчеркивает, что, по его мнению, С. «является произведением многожанровым, гармонично и творчески соединяющим в себе художественные, стилистические особенности различных литературных жанров» (О жанровой природе... С. 139—140).

Со своей гипотезой о жанровой природе С. выступил также *В. И. Абаев*. По его мнению, «жанровые истоки основной части поэмы ... ведут к мужскому погребальному плачу» (Жанровые истоки... С. 112). В С., по мнению ученого, мы находим «ограниченность повествовательного элемента» и «преобладание лирико-драматического начала над эпическим» (Там же). В этот муж. плач «вставлен малый женский плач Ярославны», имеющий свои особенности (С. 113). Ж., к кото-

рому относит С. Абаев, противоречит наличие в памятнике славы Игорю и др. князьям. Поэтому исследователь рассматривает все эти фрагменты С. как «деформацию», как «искажение первоначального глубокого народного, высокохудожественного „плача“ примитивными, резко диссонирующими прокняжескими включениями» (С. 107).

К вопросу о жанровой природе С. прямое отношение имеют также исследования А. Н. Робинсона, посвящ. типол. сходству памятников мирового средневекового эпоса. Он рассматривает С. как «первоначально ... устное, но вскоре в незначительной мере литературно-обработанное лиро-эпическое произведение» («Слово» и героический эпос... С. 105). Робинсон приводит убедительные примеры параллелей С. с др. памятниками западноевроп. или вост. эпоса: герои декларируют «принципы рыцарской дружинной морали», «феодалыне сюзерены, независимо от их возраста, выступали как патриархи», а вассалы «всегда были эпически „молодыми“» (С. 106) (см. *Эпос западноевропейский и «Слово»*). В то же время сравнительно с эпич. памятниками Запада и Востока С. «обладает меньшей эпической „беллетристичностью“, в нем нет развитого поэтического сюжета и очень ограничена „личная тема“ ... Такая модификация архаичного дружинного эпоса в наиболее широком плане может быть следствием сознательной попытки поэта сюжетно опереться на „былины своего времени“ и воспротивиться его политической действительности с идеализированных патриархально-государственных позиций» («Слово...» и героический эпос... С. 112).

С нашей точки зрения, вопрос о Ж. С. связан с общим развитием древнерус. лит-ры. Обращает на себя внимание жанровая одинокость С. Ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий Ж. С. Если оно светское ораторское произведение XII в., то др. светских ораторских произведений XII в. пока еще не обнаружено. Если С. — *былина* XII в., то и былин от этого времени до нас не дошло. Если это воинская повесть, то такого рода воинских повестей мы также не знаем.

Жанровая система древней рус. лит-ры была довольно сложной. Основная часть Ж. была заимствована рус. лит-рой в X—XIII вв. из лит-ры визант.: в переводах и произведениях, перенесенных на Русь из Болгарии. В этой перенесенной на Русь системе Ж. были в основном церковные Ж.: Ж. произведений, необходимых для богослужения и для отправления церк. жизни — монастырской и приходской. Здесь должны быть отмечены различные руководства по богослужению, молитвы и жития святых различных типов; произведения, предназначенные для благочестивого индивидуального чтения, и т. д. Но, кроме того, были и соч. более «светского» характера: разного рода естественнонауч. соч. (шестодневны, бестиарии, алфавитарии), соч. по всемирной истории (по ветхозаветной и римско-визант.), соч. типа «эллинистического романа» («Александрия») и мн. др.

Разнообразие перешедших на Русь Ж. поразительно. Однако перешедшие на Русь Ж. по-разному продолжали здесь свою жизнь. Были Ж., которые существовали только вместе с перенесенными на Русь произведениями и самостоятельно здесь не развивались. И были другие, продолжавшие на Руси активное свое существование. В их рамках создавались новые произведения: напр., жития рус. святых, проповеди, поучения, реже молитвы и др. богослужебные тексты.

Кроме традиц. системы лит. Ж. существовала и др. традиц. жанровая система — фольклорная.

Фольклор в XI—XIII вв. был тесно связан с лит-рой, и его Ж. были соединены с Ж. лит-ры. Те и другие составляли некое «двуединство» словесного искусства.

В средние века и в особенности в раннем средневековье фольклор распространен во всех слоях об-ва: и у крестьян, и у феодалов. Граница между лит-рой и фольклором в это время не столько социальная, сколько жанровая.

Одни Ж. требуют письм. оформления, другие — уст. исполнения. А поскольку грамотность была распространена не во всех слоях об-ва, то не столько фольклор, сколько лит-ра была ограничена социально. Фольклор же в период раннего феодализма этих социальных ограничений в целом не знал. Как известно, в новое и особенно новейшее время положение обратное: не ограничена социально лит-ра, а социально ограничен фольклор.

Обе традиц. системы Ж. — лит. и фольклорная — находились во взаимной связи. Отдельные потребности в словесном искусстве удовлетворялись только фольклором, другие — только лит-рой. Любовная лирика, развлекат. Ж. были на Руси до XV в. только в фольклоре. Церк. и различные сложные ист. Ж. были только в лит-ре. Отсутствие в древней рус. лит-ре от XI до XVII в. любовной лирики, театра, ограниченность развлекат. соч., по-видимому, объясняется именно тем, что в фольклоре была уже высокая личная лирика, была сказка, были игры и представления скоморохов. А фольклор обслуживал всех.

Итак, в древней рус. лит-ре ко времени создания С. существовали две традиц. системы Ж., тесно связанные друг с другом и взаимно друг друга дополнявшие. Однако, как бы ни была богата традиц. (двойная) система Ж., в XI—XIII вв. она оказалась все же недостаточной. Возникает новое ист. и патриотич. сознание, которое требует новых жанровых форм для своего выражения.

В результате поисков новых Ж. в рус. лит-ре и, по-видимому, в фольклоре появляется много новых произведений, которые трудно отнести к какому-нибудь из прочно сложившихся традиц. Ж. Эти произведения стоят как бы вне их.

Ломка традиц. форм вообще была довольно обычной на Руси. В разные эпохи и в разных обстоятельствах стремление «начать все сначала» овладевало об-вом. Дело в том, что новая явившаяся на Русь культура была хоть и очень высокой, создав первоклассную «интеллигенцию», но налегла тонким слоем — слоем хрупким и ломким. Вследствие этой хрупкости и ломкости образование новых форм, появление внетрадиц. произведений было очень облегчено.

Вместе с тем все более или менее выдающиеся произведения лит-ры, основанные на глубоких внутр. потребностях, часто вырываются за пределы традиц. форм. В самом деле, такое выдающееся произведение, как ПВЛ, не укладывается в воспринятые на Руси из Византии и Болгарии жанровые рамки. «Повесть об ослеплении Василька Теремовльского» — это тоже произведение вне традиц. Ж. Ломают традиц. Ж. произведения князя *Владимира Мономаха*: его «Поучение», его автобиография, его письмо к *Олегу Святославичу*. Вне традиц. жанровой системы находится «Слово Даниила Заточника», «Слово о гибели Русской земли», «Похвала Роману Галицкому» и мн. др. замечательные произведения древней рус. лит-ры XI—XIII вв.

Таким образом, для XI—XIII вв. характерно, что многие более или менее талантливые произведения отличаются младенческой неопределенностью форм. Неясность жанровой принадлежности С. — явление как раз этого порядка, типичное для лит-ры XI—XIII вв.

Следует предположить, что новые Ж. или новые видоизменения старых Ж. образовались в раннефеод. период также и в фольклоре. Эти изменения нам очень мало известны, как мало известен и самый фольклор этого периода, очень слабо отразившийся в письменности XI—XIII вв.

Свидетельством появления новых Ж. в эпич. творчестве является С.

Обратим внимание на одну черту обществ. сознания раннефеод. об-ва, вызвавшего формирование новых жанров и в лит-ре, и в фольклоре. Раннефеод. государства были очень непрочными. Чтобы удержать единство, требовалась высокая обществ. мораль, высокое чувство чести, верности, самоотверженности, высокое патриотич. самосознание и высокое развитие словесного искусства — Ж. полит. публицистики, Ж., воспевающих любовь к родной стране, Ж. лиро-эпич. Единство государства, при недостаточности связей эконом. и воен., не могло существовать без интенсивного развития патриотич. качеств у феодалов и рядовых воинов. Вот почему развивается личностное начало в эпосе. Певец-исполнитель выражает свое личное отношение к рассказываемым событиям.

Для раннефеод. лит-ры и для раннефеод. эпоса в равной степени характерны произведения, окраш. чувством личной сильной привязанности к родной стране, недовольством существующим положением, особенно раздорами и вызванными этими раздорами воен. поражениями. В раннефеод. эпосе Франции типичны в этом отношении *chansons de geste*. Эпос становится лиричен и публицистичен. В нем отражаются симпатии к сильной королевской власти, осуждение своевольных поступков феодалов и вместе с тем похвала их чувству чести, их рыцарским добродетелям, скорбь по поводу вызванных их своевольством поражений.

Новые Ж. по большей части образуются на стыке фольклора и лит-ры. Такие произведения, как «Слово о погибели Русской земли», «Слово (Моление) Даниила Заточника», — полулит.-полуфольклорные. Возможно даже, что зарождение новых Ж. происходит в уст. форме, а потом уже закрепляется в лит-ре.

Типичным представляется образование нового Ж. в «Молении Даниила Заточника». Это произведение скоморошье. Скоморохи Древней Руси близки к западноевроп. жонглерам и шпильманам. Близки были и их произведения. «Моление Даниила Заточника» было посвящено профессиональной скоморошьей теме. В нем скоморох Даниил выпрашивает «милость» у князя. Для этого он восхваляет сильную власть князя, его щедрость и одновременно стремится возбудить жалость к себе, расписывая свои несчастья и пытаясь рассмешить слушателей своим остроумием.

Др. тип произведения, гораздо более серьезного, но вышедшего из той же среды княж. певцов, представляет собой С.

Оно принадлежит к числу книжных отражений раннефеод. эпоса и стоит в одном ряду с такими произведениями, как нем. «Песнь о Нибелунгах», груз. «Витязь в тигровой шкуре», арм. «Давид Сасунский» и т. д. Но особенно много общего в жанровом отношении у С. с «Песнью о Роланде».

Вместе с тем, поскольку С. ближе, чем «Песнь о Роланде», к событиям, послужившим его темой, в нем сильно сказывается публицистич. элемент. Важное отличие С. от «Песни» заложено и в самих событиях: Роланд погибает, а Игорь благополучно бежит из плена. Поэтому С. оканчивается радостно — «славой» Игорю.

Однако наличие в С. элементов «славы» могло явиться не только результатом темы, событий, легших в основу произведения, но и особенности рус. Ж. «трудных повестей».

В С. соединены два фольклорных Ж. — «слава» и «плач»: прославление князей с оплакиванием печальных событий. В самом С. и «плачи, и «славы» упоминаются неоднократно. И в др. произведениях Древней Руси мы можем заметить то же соединение «слав» в честь князей и «плача» по погибшим. Так, напр., близкое по ряду признаков к С. «Слово о гибели Русской земли» представляет собой соединение «плача» о гибнущей Русской земле со «славой» ее могучему прошлому.

Соединение в С. Ж. «плачей» с Ж. «слав» не противоречит тому, что С. как «трудная повесть» близка по своему Ж. к *chansons de geste*. «Трудные повести», как и *chansons de geste*, принадлежат к новому Ж., очевидно соединившему при своем образовании два более древних Ж. — «плача» и «славы». «Трудные повести» оплакивали гибель героев, их поражение и восхваляли их рыцарские доблести, их верность и их честь.

С. — это книжное произведение, возникшее на основе устного. В нем органически слиты фольклорные элементы с книжными. Характерно при этом следующее. Больше всего книжные элементы сказываются в начале памятника. Как будто бы автор, начав писать, не мог еще освободиться от способов и приемов лит-ры. Он недостаточно еще оторвался от письм. традиции. Но по мере того как он писал, он все более и более увлекался уст. формой. С середины он уже не пишет, а как бы записывает некое уст. произведение. Последние части С., особенно *Плач Ярославны*, почти лишены книжных элементов.

Мы не можем сейчас решить окончательно: было ли С. совершенно одиноко в жанровом отношении, как некая «трудная повесть», *chansons de geste*, или были и др. произведения того же Ж. Во всяком случае С. представляло собой некое закономерное и характерное произведение для лит-ры и для фольклора раннефеод. Важно отметить при этом, что С. — конгломерат Ж. (ср. аналогичное явление в летописи, в житиях и пр.).

Попытаемся все же проанализировать жанровые связи С. с нар. поэзией. Связь его с произведениями уст. нар. поэзии яснее всего ощущается, как уже сказано, в пределах двух Ж., чаще всего упоминаемых в С.: плачей и песенных прославлений — «слав», хотя далеко не всегда ограничивается ими. «Плачи» и «славы» автор С. буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. Их эмоц. противоположность дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для С. и который сам по себе отделяет его от произведений уст. нар. словесности, где каждое произведение подчинено в основном одному Ж. и одному настроению.

Плачи автор упоминает не менее пяти раз: плач *Ярославны*, плач жен рус. воинов, павших в походе Игоря, плач матери *Ростислава*; плачи же имеет в виду автор С. тогда, когда говорит о стогах Киева и Чернигова и всей Русской земли после похода Игоря. Дважды

приводит автор и самые плачи: плач Ярославны и плач рус. жен. Многократно он отвлекается от повествования, прибегая к лирич. восклицаниям, столь характерным для плачей: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!»; «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!»; «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?»; «А Игорева храбраго плъку не крѣсити!».

Близко к плачам и «*злато слово*» Святослава, если принимать за это слово только текст, который заключается упоминанием *Владимира Глебовича*: «Туга и тоска сыну Глѣбову». «Злато слово слезами смѣшено», и Святослав говорит его, обращаясь, как и Ярославна, к отсутствующим — к Игорю и Всеволоду Святославичам. Автор С. как бы следует мысленно за полком Игоря и мысленно его оплакивает, прерывая свое повествование близкими к плачам лирич. отступлениями: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло!».

Близость С. к плачам особенно сильна в Плаче Ярославны. Автор как бы цитирует Плач Ярославны — приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать.

Плач рус. жен по воинам Игоря автор С. передает не только как лирич. излияние, но старается воспроизвести перед воображением читателя и сопровождающее его языч. действо: «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу [людемъ] мычючи въ пламянѣ розѣ».

Не менее активно, чем «плачи», участвуют в С. стоящие в нем на противоположном конце сложной шкалы поэтич. настроений песенные «славы». С упоминания о славах, которые пел *Боян*, памятник начинается. Славой Игорю, Всеволоду, Владимиру и дружине С. заключается. Ее поют Святославу немцы и венецианцы, греки и моравы. Слава звенит в Киеве, ее поют девицы на Дунае. Она вьется через море, пробегает пространство от Дуная до Киева. Отдельные отрывки из «слав» как бы звучат в С.: и там, где автор говорит о Бояне, и там, где он слагает примерную песнь в честь похода Игоря. «Славы» то тут, то там слышатся в обращениях автора С. к рус. князьям., в диалоге Игоря с Донцом («Княже Игорю! Не мало ти величія...»; «О, Донче! Не мало ти величія...»). Наконец, они прямо приводятся в его заключит. части: «Солнце свѣтитя на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли».

Итак, С. очень близко к нар. «плачам» и «славам» (песенным прославлениям). И «плачи», и «славы» часто упоминаются в летописях XI—XIII вв. С. близко к ним и по своей форме, и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не «плач» и не «слава». Нар. поэзия не допускает смешения Ж. Это произведение книжное, но близкое к этим Ж. нар. поэзии.

Было ли книжное по своей судьбе С. единственным произведением, столь близким к нар. поэзии, в частности к двум ее видам: к «плачам» и «славам»? До нас не дошло ни одного произведения, которое хотя бы отчасти напоминало С. по своей близости нар. поэзии. Мы можем найти отдельные аналогии С. в деталях, но не в целом. Только после С. мы найдем в рус. лит-ре несколько произведений, в которых встретимся с тем же сочетанием плача и славы, с тем же дружинным духом, с тем же воинским характером, которые позволяют объединить их со С. по жанровым признакам: «Похвалу Роману Мстиславичу Галицкому», читающуюся в Ипат. лет. под 1201, «Слово о погибели

Русской земли» и «Похвалу роду рязанских князей», дошедшую до нас в составе повестей о Николе Зараском. Все эти три произведения обращены к прошлому, что составляет в них основу для сочетания плача и похвалы. Каждое из них сочетает книжное начало с духом нар. поэзии «плачей» и «слав». Каждое из них тесно связано с дружинной средой и дружинным духом воинской чести.

«Похвала Роману Мстиславичу» — это прославление его и плач по нем. Это одновременно плач по бывшему могуществу Русской земли и слава ей. В текст этой «жалости и похвалы» введен краткий рассказ о траве евшан и половецком хане Отроке. Похвала посвящена Роману и одновременно Владимиру Мономаху. Ощущение жанровой близости С. и «Похвалы Роману Мстиславичу» было настолько велико, что оно позволило даже некоторым исследователям видеть в «Похвале» отрывок, отделившийся от С. Но «Похвала» и С. имеют существ. различия. Эти различия не жанрового характера. Они касаются лишь самой авторской манеры. Так, напр., автор «Похвалы Роману» сравнивает его со львом и крокодилом: «Устремил бо ся бяше на поганья, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур» (Ипат. лет. С. 716). Автор С. постоянно прибегает к образам животного мира, но никогда не вводит в свое произведение иноземных зверей. Он реально представляет себе то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только к образам рус. природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и не ясных для читателя.

При определении Ж. С. следует учитывать его церемониальность. Древняя рус. лит-ра, особенно в этот период, в XI—XIII вв., не знала произведений, предназнач. только для одиночного читателя. Она всегда была рассчитана на обряд, на чтение в тот или иной момент богослужения, бытового случая — на чтение вслух, для всех или многих. Несомненно, что и С. должно было для чего-то предназначаться: не исключена возможность, что это было ораторское произведение, предназнач. для какого-то светского церемониала, как это думал Еремин, но вероятнее, как об этом мы уже говорили, это были плач и слава, также имевшие точное обрядовое назначение. Приводимые Ереминым признаки ораторского Ж. в С. распространены во мн. произведениях этого периода и не принадлежат к ораторскому Ж. Ораторские приемы встречаются в летописях и житиях, в хождениях и ист. повестях (особенно в повестях о княж. преступлениях), так как лит. произведения очень часто были участниками торжеств и обрядов, требовали громкого произнесения.

Лит.: [Грамматин Н. Ф.] Рассуждение о древней русской словесности. М., 1809. С. 8—15; Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении // СПб. вест. 1812 (переизд.: СПб, 1817. С. 159); Максимович М. А. О народной исторической поэзии в Древней Руси // Москв. 1845. Ч. 2. № 3. С. 1—7 (то же: Собр. соч. М. А. Максимовича. Киев, 1880. Т. 3. С. 480—486); Белинский В. Г. Русская народная поэзия // ОЗ. 1841. № 19. Отд. Критика. С. 5—6 (то же: Белинский В. Г. ПСС. М., 1954. Т. 5. С. 332—349); Пытин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 92—95; Еремин И. П. 1) «Слово о полку Игореве»: (К вопросу о его жанровой природе) // Учен. зап. ЛГУ. № 72. Л., 1944 (на обложке 1945). Сер. филол. наук. Вып. 9 (то же: Жанровая природа «Слова о полку Игореве» // Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 144—163); 2) «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Древней Руси // Слово. Сб. — 1950. С. 93—129 (то же: Еремин И. П. Лекции и статьи

по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 235–281); 3) К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 28–34; *Адрианова-Перетц В. П.* Историческая литература XI–начала XV в. и народная поэзия // Там же. 1951. Т. 8. С. 95–137 (то же: *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 38–43); *Назаревский А. А.* 1) О жанровой природе «Слова о полку Игореве» // Наук. зап. Київськ. держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. Київ, 1955. Т. 14, Вип. 1. С. 113–144. (Філол. збірник. № 7); 2) Еще о жанровой природе «Слова о полку Игореве» // Вісник Київськ. держ. ун-ту. 1958. № 1. Сер. філології та журналістики. Вип. 2. Літературознавство. С. 68–71; *Лихачев Д. С.* 1) «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // Слово. Сб. – 1962. С. 305–310 (то же: *Лихачев.* «Слово» и культура. С. 11–25); 2) «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI–XIII вв. // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С. 69–75; *Робинсон А. Н.* 1) «Слово о полку Игореве» и героический эпос средневековья // Вест. АН СССР. 1976. № 4. С. 104–112; 2) Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 314–334; *Абаев В. И.* Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» в свете сравнительного фольклора // Изв. Юго-осетин. НИИ АН ГССР. 1985. Вып. 27. С. 98–116; *Боева Л.* О жанре «Слова о полку Игореве» // Старобългарска лит-ра. София, 1987. Кн. 20. С. 112–119.

Д. С. Лихачев